

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

4. لغت فارس اسدی طوسی بکوشش محمد دیرسیاهی، تهران، ۱۳۲۶، ص ۱
(Лугат-и ғурс Асадӣ Тусӣ бақӯшиш-и Муҳаммад дабӣр-сийākӣ.
Тихрāн, 1336, с. I).
5. Бадр ад-Дин Ибраҳим. Фарханг-и Зафāнгуйā ва джахāнпуйā
(словарь говорящий и мир изучающий). Факсимиле рукописи.
Издание текста, введение, список толкуемых слов, приложения
С.И.Баевского. М., 1974, с. ۴۵ .
6. Сихāх ал-ғурс, с. 188.
7. Сихāх ал-ғурс, с. 118.
8. Лугат-и ғурс, с. 69.
9. Лугат-и ғурс, с. 2; Сихāх ал-ғурс, с. 21.
10. Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и Зафāнгуя, с. ۵۹ .
11. Фарханг-и Зафāнгуя. Ксерокопия рукописи Библиотеки Сената
(Тегеран), № 527, л. 47а.
12. Сихāх ал-ғурс, с. 158.
13. Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и Зафāнгуя, с. 11.
14. Там же, с. 1۰۴ .
15. Там же, с. 58-63.

И.Н.Воевуцкий

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕАРАВСКИХ ТЕКСТОВ-КАЛЕК

Тексты-кальки - специфическое явление в канонической религиозной литературе. Примеры таких текстов можно найти в переводной литературе любой конфессиональной группы. Наибольший интерес представляет историко-культурный аспект таких переводов, причины появления которых вполне объяснимы языковой и бытовой ситуацией той или иной конфессиональной группы: часть оригиналов подобных текстов переводить нельзя (священные книги), часть - можно, но ни те, ни другие в переводе в обычном понимании этого слова не нуждаются; читающий обязан пользоваться оригиналом, а сопровождающие оригиналы тексты на языке, повседневном для читающего, должны лишь помочь ориентироваться в оригинале.

Тем не менее тексты-кальки должны быть подвергнуты и лингвистическому анализу, в том числе - диалектологическому, ибо язык этих текстов - язык повседневный, просторечный. При таком анализе следует добиваться ответа на два вопроса: что представляет собой язык этих текстов, и как такие тексты могут (или не могут)

быть использованы лингвистами, в частности – диалектологами.

Ниже будет разобран вариант среднеарабского языка, называющийся иудейско-арабской калькой. В данной работе мы опираемся на терминологию и классификацию, разработанные Х.В. Сефиха.¹ За основу классификации взята конфессиональная принадлежность носителей языка. В каждой из конфессиональных групп выделяются языки канонические (языки священных книг) и агиоязыки, т.е. все прочие языки, употреблявшиеся носителями. Для иудейской группы каноническими языками являются древнееврейский и арамейский. Число агиоязыков в любой конфессиональной группе велико. Причины их появления различны в разных группах. В иудейской группе, отличающейся этнической однородностью, причиной явилась диаспора, где канонический язык утратил значение разговорного языка и употреблялся лишь как язык культовый и ученый. В роли разговорных языков выступали языки населения тех областей, где расселилась данная этническая группа.

Синтаксически и функционально агиоязыки делятся на два типа: местные (*vernaculaire*), построенные по законам языка, перенятого у местного населения областей расселения, и языки текстов-калек, ориентированные на законы канонического языка при лексическом и морфологическом подобии языку местного населения. Местный вариант употребляется в любой функции, калька же встречается только в письменной форме и только в переводных сочинениях. Её функция – ориентировать читателя в текстах культового или практического назначения на каноническом языке. Эти два типа агиоязыков взаимно проницаемы, они могут перенимать друг у друга характерные черты.

Каждый конкретный случай агиоязыка требует доказательств своего существования. Обнаружение иудейско-индоевропейской кальки не составляет большого труда. Иначе обстоит дело с арабским языком, близкородственным каноническим иудейским языкам. Для анализа был взят один из иудейско-арабских переводов популярнейшего сочинения "Pirqe 'abot", изданный в Багдаде в 5655/1895 г.² В подзаголовке указано: "im šarḥ 'arabī kēminhāg Baḡdād wa' aḡāfehā, т.е. "с арабским переводом, принятым в Багдаде и прилегающих областях". Издание содержит текст оригинала и огласованный перевод на "багдадский" диалект.

При сплошном сличении текстов оригинала и перевода обнаружилось следующее:

а) всякий раз вспомогательный глагол $yēš$ ³, не имеющий параллели в арабском, передан посредством *shawḡd*, что не всегда соответствует нормам арабского языка;

б) притяжательная конструкция с *ʕel* передается при помощи *māl* (что является полным соответствием, т.е. "то, что у"), сопряженное же состояние передается также сопряженным состоянием;

в) отрицательная конструкция *ʕēn* + личное местоимение или местоименный суффикс в роли подлежащего передается глаголом *lauwa*, однако не в личных формах, как это характерно для арабского языка, а в ед.ч.м.р. + личное местоимение или местоименный суффикс, то есть как в оригинале:

ʕēʕnō mēʕabbēd// illadī lēwō meʕauʕ "который-не есть+он-теряющий"⁴,

ʕēn ʕattā//lēs ʕant "не есть-ты";

г) причастие в значении настоящего времени и по-арабски передано причастием;

д) пассивной форме с префиксом *n-*(*nifʕal*) обычно соответствует аналогичная "седьмая" основа арабского языка (с префиксом *ʕin-*), даже у тех глаголов, для которых она неупотребительна;

е) сохраняется управление оригинала:

bēdāwīd hū ʕomēr//bēdāwīd hū yiqūl "с+Давид-он-говорящий// говорит",

lō yamīš mēʕāwōt rēī//lam yizūl min yisnaʕ tamgā "не-удаляет-от-делать-плод//не-удаляет-от-делает-плод" (вместо *lam yizūl yisnaʕ*; кроме того это - обращение к дереву, которое в арабском языке - ж.р., глагол же - как в оригинале - в м.р.);

ж) сохраняется согласование оригинала (см. предыдущий пример);

з) сохраняется порядок слов оригинала:

ma nāʕe ʕīlān ze//ʕēš laʕyēqā ʕel ʕigrā hādī "что-красивый//красивая-дерево-этот" (вместо *hādī ʕel ʕigrā*);

и) калькируются фразеологизмы:

bāʕōlām hazze//fī ʕel dūnyā hādī "в+мир-этот//в-этот мир-этот" (вместо *fī ʕel dūnyā*),

ʕōlām habbā//dūnyāt ʕel gāyā "мир-грядущий" (вместо *ʕel ʕūgrā*),
yihyū bēʕōnekā kirēšāʕim//yikūnōn bi ʕyūnak kidālemīn

"будут-в+глаза+твой-как+нечестивые",

ben hamēš ʕanīm// ibin hamēš sinīn "сын-пять-годы",

ʕānīm tōbōt// hiḡar ḡayīdāt "камни-хорошие", т.е. "драгоценные (вместо *karīma*).

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в обнаружении иудейско-арабского текста-кальки. Можно теперь попытаться определить понятие текста-кальки и калькированного перевода.

Язык текста-кальки есть язык мнимый. Это - полуфабрикат, заготовка, которая только в сознании читающего превращается в язык истинный, т.е. местный. Аналогично, калькированный перевод не

есть по сути перевод, но заготовка, пользуясь которой в сочетании с текстом оригинала, читатель в своем сознании довершает перевод.

Таким образом и на арабском материале обнаруживаются явления, идентичные тем, которые наблюдаются на материале индоевропейском: испанском, персидском и т.д. Остается выяснить, что может дать лингвисту иудейско-арабский текст-калька. Заниматься структурой "языка" такого текста бессмысленно: это значило бы анализировать структуру языка оригинала. В какой-то мере интересен механический процесс: какими средствами арабского языка переданы те или иные языковые средства древнееврейского или арамейского языка. Более интересен иной аспект, который можно парадоксально назвать выявлением арабизмов в этом арабском "языке". Приведем примеры из нашего текста. Сюда относятся:

а) уточнения:

mōve// mūsā 'istādā или mūsā siyīdnā 'ilēh 'el silām "Моисей, господин наш, да будет мир над ним",
sīnāy//gābāl sīnāy "гора Синай",
haššēm// 'isim rab 'el samā "Имя Господина неба",
šamayim//rab 'el samā "небеса//Господин неба";

б) вокатив, отсутствующий в языке оригинала:

haḳāmīm//yā 'ulāmā "о мудрецы"
āmar lī ribbī//qāl lī yā 'astādī "он сказал мне: о мой учитель"

в) фразеологизмы:

kol yāmāy//tūl 'imrī "все мои дни// всю жизнь";

г) несовпадение определенного и неопределенного состояния:

lizēqēnīm//lī 'el šiyūh "старцам"
'ōzen šōma'at// 'edin 'el samē'ā "ухо слышащее"
yēser hārā'//hātir ridī "ум зла";

д) несовпадение перфекта и имперфекта:

biṭṭaltā//tibatīl "ты отменил//отменяешь" и т.д.

Могут ли такие тексты дать материал диалектологу? Полностью такая возможность не исключается, но во всяком случае к ним следует подходить с большой осторожностью. Основной интерес здесь представляет фонетический уровень; правда, необходимо помнить о специфике передачи арабских звуков еврейским письмом. Некоторый интерес эти тексты представляют и на морфологическом уровне, хотя всегда есть опасность принять морфологическую кальку за диалектизм. На уровне лексики и синтаксиса тексты-кальки мало (если вообще) пригодны для диалектологических исследований.

Основное же значение иудейско-арабского текста-кальки совсем в другом. Когда мы обращаемся к тексту-кальке на лобом иудейском

агиоязыке, мы всегда обнаруживаем набор одних и тех же лингвистических явлений. Поэтому, идя от конкретных случаев к обобщению, мы сможем восстановить типологию строения любого иудейского агиоязыка, иудейского агиоязыка вообще, а в конечном счете — любого конфессионального агиоязыка.⁵

-
1. Достаточно упомянуть три работы: H.V.Septhia. *Ladino (judéo-espagnol calque) et commentateurs.*—Revue de l'Histoire des Religions, 1975, t.188, N 4, с.117-128; он же. *Judéo-espagnol.*—Ecole Pratique des Hautes Etudes. 4 Section. *Annuaire 1975-1976*, Paris, 1976, с.249-257; он же. *Théorie du ladino: additifs.*— *Mélanges offerts à Ch.-V.Aubrun*, Paris, 1975, t.2, с. 255-284.
 2. פֿרָקִי אַבוֹח עוּ פֿרָקִי טרַבֿי כַּמְזֶה ק"ק בַּגְדָאד וְאֶרְצֵיהּ. בגדאד, תרנ"ה. (Пиркѣ 'авѳт. Багдад, 1895).
 3. Транскрибируя арабский текст, записанный еврейским шрифтом, мы придерживались норм, принятых для транскрипции текстов на древнееврейском языке, но со следующими отклонениями: тав и далет не независимо от позиции переданы соответственно t и d, каф без даггеш передан как h, гимел всюду передан g, кроме тех случаев, когда ему придан "апостроф", тогда он передается как ġ, i мы использовали лишь при наличии вспомогательного йод.
 4. Для наглядности мы даем пословный русский перевод.
 5. Cp. J.P. Ashussen and H.H. Herbert. *The Song of Songs in Judeo-Persian.* København, 1977, с.10.

В.И.Гохман

О ВРЕМЕНИ РАЗДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВ БИРМАНСКОГО И МАРУ И ПЕРЕСЕЛЕНИИ БИРМАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ БИРМЫ

Мару — тибето-бирманская этническая группа, населяющая территорию северной Бирмы. Большинство этнографов считает, что в настоящее время мару входят в состав качинского этноса, основную массу которого составляют группы, говорящие на языке цзинпо. Однако языки мару и цзинпо, хотя и родственны, но очень далеки друг от друга в генетическом отношении. В генеалогической классификации Р.Шейфера язык цзинпо составляет особую ветвь бирманской группы языков,¹ а язык мару относится к бирманской ветви бирманской группы тибето-бирманских языков.² Иными словами, мару — ближайшие родственники бирманцев, во всяком случае, в языковом отношении. Многие исследователи полагают поэтому, что мару — это остатки прото-